

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката М.

11.06.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президента АП СПб Пановой В.С., членов Совета Ибряновой Г.А., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. (участвовали очно), первого вице-президента АП СПб Саськова К.Ю., членов Совета Кониной Н.Н., Морозова М.А. (участвовали дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 11.06.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 03.03.2026 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. послужило представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Главное управление), поступившее в АП СПб 03.03.2026; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 04.03.2026.

Существо представления сводилось к тому, что адвокат М., осуществляя представление интересов К.М.С. по семейным и гражданско-правовым спорам с К.В.В., во-первых, направила К.В.В. предложение на бланке медиатора о проведении переговоров по вопросу раздела совместно нажитого имущества, чем, по мнению Главного управления, допустила смешение статусов адвоката, представителя одной из сторон спора и профессионального медиатора; во-вторых, в интервью сетевому изданию «Рейтинг Букмекеров» допустила публичные высказывания о возможности уголовно-правовой квалификации действий К.В.В., нарушающие требования к взаимодействию адвоката со средствами массовой информации.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 16.04.2026 в действиях адвоката М. установлено наличие нарушения взаимосвязанных требований:

- п. 7 ст. 35 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *«Решения Федеральной палаты*

адвокатов и её органов, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех адвокатских палат и адвокатов»;

- п. 6 ст. 15 КПЭА: *«Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции»;*

- п. 6.1 Рекомендаций по взаимодействию со средствами массовой информации, (утверждены решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 21.06.2010, протокол № 5; далее также – Рекомендации по взаимодействию со СМИ): *«Донося до СМИ информацию по конкретным делам о судебных спорах организаций и граждан, следственных и иных процессуальных действиях, адвокат должен руководствоваться презумпцией невиновности, не допускать необоснованных, не подкреплённых точными фактами и материалами дела суждений и умозаключений, соблюдать тайну следствия и адвокатскую тайну (в том числе, если речь идёт о его процессуальных противниках)».*

Нарушение выразилось в том, что адвокат М. 23.06.2025, выступая в средствах массовой информации по конкретным судебным спорам с участием её доверителя К.М.С. и процессуального оппонента доверителя – К.В.В., допустила публичные, не подкреплённые установленными в предусмотренном законом порядке обстоятельствами и материалами дела суждения о наличии в действиях К.В.В. признаков умышленного завладения денежными средствами и осознанных противоправных действий, чем не соблюла требования презумпции невиновности и правила взаимодействия адвоката со средствами массовой информации.

При этом Квалифкомиссия не усмотрела в действиях адвоката М. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА в части доводов представления, связанных с направлением 19.05.2025 К.В.В. предложения на бланке медиатора, поскольку процедура медиации с участием адвоката М. не согласовывалась и фактически не проводилась, её кандидатура как медиатора сторонам не навязывалась, а нарушение прав участников спора либо возникновение неравного положения сторон в урегулировании конфликта материалами дисциплинарного производства не подтверждено.

Адвокат М. направила в Совет АП СПб заявление, в котором не согласилась с выводами Квалифкомиссии о нарушении ею принципа презумпции невиновности заявителя, просила дисциплинарное производство прекратить.

В обоснование своей позиции адвокат указала, что её высказывания были основаны на анализе документов, находившихся в гражданском обороте без согласия со стороны законной супруги К.В.В., а также на мнении адвоката Ж.а, специализирующегося на уголовных делах. По словам адвоката, она сделала лишь гипотетический вывод о возможном наличии оснований для возбуждения уголовного дела, а не утверждала виновность К.В.В.

Адвокат М. также указала, что ряд её высказываний был «вырван из контекста» и сокращён журналистами, а письменного согласия на публикацию статьи в том виде, в котором она вышла в публичное пространство, она не давала. В коммуникацию с интернет-изданием по поводу публикации она, по её словам, не вступала, поскольку разговор с журналистом

проходил в неудобных условиях, был коротким, а после публикации она чувствовала себя плохо и не могла ресурсоёмко связываться с издательством.

Кроме этого, адвокат сослалась на то, что после инициирования дисциплинарного разбирательства её доверительница К.М.С. поддержала её позицию и сообщила, что её адвокаты уже обратились в следственные органы России и Туркменистана. С учётом позиции Министерства юстиции адвокат М. обратилась за лингвистическим исследованием, чтобы подтвердить, что допущенные ею формулировки не нарушают закон и принцип презумпции невиновности.

Адвокат указала, что, принимая решение о разговоре с журналистом, руководствовалась, в том числе, рекомендациями о нежелательности отказа адвоката от представления СМИ информации, составляющей публичный интерес. По её мнению, вопрос множественности и ответственности за множественство имеет важное общественное значение.

Одновременно адвокат М. признала, что сложившаяся ситуация показала необходимость для неё, как адвоката, более аккуратного отношения к публичным высказываниям, чтобы исключить их двоякое толкование. При этом адвокат настаивает, что не обвиняла оппонента доверительницы и не выносила однозначных суждений о его действиях, не имела умысла на нарушение принципа презумпции невиновности и просит прекратить дисциплинарное производство.

Кроме этого, в Совет АП СПб поступило заявление, подписанное от имени К.В.В., в котором сообщается, что в настоящее время он не имеет к адвокату М. каких-либо претензий, стороны пришли к примирению, в связи с чем заявитель просит прекратить дисциплинарное производство.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 11.06.2026 были извещены надлежащим образом.

Представитель заявителя – Главного управления – Ж.Н.А. на заседание Совета явилась, выразила поддержку доводам представления и заключению Квалифкомиссии.

Адвокат М. на заседание Совета не явилась, просила рассмотреть дисциплинарное производство в её отсутствие, ссылаясь на необходимость ухода за малолетним ребёнком.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав представителя заявителя, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Прежде всего, Совет АП СПб отмечает, что заявление, подписанное от имени К.В.В., не может являться основанием для прекращения дисциплинарного производства вследствие примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката, поскольку поводом для возбуждения дисциплинарного производства являлась не жалоба К.В.В., а представление Главного управления. Кроме того, указанное заявление является неverified: из имеющихся материалов невозможно достоверно установить, что оно действительно исходит от К.В.В. и отражает его актуальное волеизъявление. Поэтому Совет АП СПб не основывает на данном заявлении выводы о примирении сторон, отсутствии у К.В.В. претензий к адвокату М. либо об отсутствии вреда.

Совет АП СПб принимает во внимание, что представление Главного управления содержало две самостоятельные группы дисциплинарных претензий: связанные с использованием адвокатом М. статуса профессионального медиатора при обращении к процессуальному оппоненту доверителя и связанные с публичными высказываниями адвоката в средствах массовой информации.

В части доводов о нарушении адвокатом законодательства о медиации Совет АП СПб разделяет вывод Квалифкомиссии об отсутствии в действиях адвоката М. дисциплинарного нарушения.

Сам по себе факт направления адвокатом, имеющим статус профессионального медиатора, письма на бланке медиатора процессуальному оппоненту доверителя может вызывать вопросы с точки зрения недопустимости смешения профессиональных ролей адвоката и медиатора. Вместе с тем в рассматриваемом случае материалы дисциплинарного производства не подтверждают, что адвокат М. фактически приступила к проведению процедуры медиации, предложила свою кандидатуру в качестве нейтрального посредника либо создала неравное положение сторон при урегулировании спора.

Вопрос о привлечении лица к ответственности как медиатора не относится к компетенции органов адвокатского самоуправления. Однако это не исключает полномочия Квалифкомиссии и Совета АП СПб оценивать поведение адвоката, связанное с использованием им иного профессионального статуса, с точки зрения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА. В данном случае достаточных оснований для вывода о нарушении адвокатом М. норм профессиональной этики в связи с направлением указанного письма не установлено.

Иная оценка подлежит применению к части публичных высказываний адвоката М. в интервью сетевому изданию «Рейтинг Букмекеров».

Квалифкомиссия установила, что 23.06.2025 в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте сетевого издания «Рейтинг Букмекеров» была опубликована статья «Адвокат жены К.: В.В. может получить реальный срок», в которой приведены высказывания адвоката М. о возможной уголовно-правовой оценке действий К.В.В. По сообщению редакции издания, приведённые в указанной статье формулировки являлись прямыми цитатами адвоката; текст интервью был согласован с адвокатом до публикации.

Оценив каждое из спорных высказываний адвоката М., Совет АП СПб считает необходимым уточнить объём дисциплинарного обвинения, вменённого Квалифкомиссией.

Высказывание: «На текущий момент, как сказал мой коллега Ж., если будет доказан умысел – такие действия могут быть квалифицированы, как мошенничество группой лиц по предварительному сговору»¹ (часть ответа на вопрос корреспондента: как М. изначально обо всём узнала?) – Совет АП СПб исключает из объёма установленного нарушения. Указанная фраза содержит ссылку на мнение другого адвоката и построена как условная правовая оценка возможной квалификации действий при доказанности умысла, а не как утверждение о доказанном факте совершения К.В.В. преступления. Высказывание: «Ведь, если у него были два других брака, он в них также тратил деньги, которые юридически являются средствами, совместно нажитыми с М.. Это, мягко говоря, незаконно и может быть

¹ Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация оригинала сохранены.

квалифицировано как «уголовка» (часть ответа на вопросы корреспондента: чего добивается М., нужно ли ей, чтобы завели уголовное дело и К.В. получил реальный срок? И может ли он получить срок?) – Совет АП СПб также исключает из объёма установленного нарушения. Несмотря на неудачность и повышенную эмоциональность использованной адвокатом формулировки, она содержит модальность возможной квалификации и в этой части не является самостоятельным утверждением о виновности К.В.В. в совершении преступления.

При этом третье высказывание адвоката М., содержащее более категоричную характеристику действий процессуального оппонента доверительницы, Совет АП СПб признаёт дисциплинарно значимым.

Так, высказывание: «Да. Речь идёт про умышленное завладение денежными средствами. И это выглядит как осознанные, продуманные действия на протяжении многих лет» (ответ на вопросы корреспондента: если будет заведено уголовное дело, это статья 159 часть 2, верно? До 5 лет лишения свободы?) – не является нейтральной гипотезой о возможной правовой квалификации. В этой части адвокат М. публично сообщила о наличии умысла, завладении денежными средствами и осознанном характере действий конкретного лица, то есть использовала формулировки, способные создать у неопределённого круга лиц представление о совершении К.В.В. умышленных противоправных действий до разрешения соответствующего вопроса компетентными органами в установленном законом порядке.

Совет АП СПб исходит из того, что адвокат вправе взаимодействовать со средствами массовой информации, в том числе по делам, представляющим общественный интерес, и вправе доводить до сведения общественности позицию своего доверителя. Однако специальный профессиональный статус адвоката предполагает повышенные требования к точности, корректности и добросовестности публичных высказываний, особенно когда такие высказывания касаются конкретных судебных споров, иных участников процесса и возможной уголовно-правовой оценки их поведения.

Само по себе сообщение адвокатом условной правовой оценки возможной квалификации действий лица при доказанности определённых обстоятельств не во всех случаях образует дисциплинарный проступок. Именно поэтому Совет АП СПб исключил из объёма установленного нарушения два приведённых выше высказывания адвоката. Однако оставшееся дисциплинарно значимое высказывание о «умышленном завладении денежными средствами» и «осознанных, продуманных действиях на протяжении многих лет» выходит за пределы осторожной правовой оценки, поскольку фактически приписывает К.В.В. совершение умышленных противоправных действий без установленного в предусмотренном законом порядке процессуального статуса и без подтверждения таких утверждений судебным актом либо материалами дела.

Согласие доверителя на взаимодействие адвоката со средствами массовой информации может иметь значение для оценки соблюдения адвокатом обязанности хранить адвокатскую тайну доверителя. Вместе с тем такое согласие не освобождает адвоката от обязанности соблюдать презумпцию невиновности, не допускать необоснованных и не подкреплённых точными фактами суждений, а также не делать публичных утверждений, способных создать у неопределённого круга лиц представление о совершении процессуальным оппонентом доверителя преступления.

Совет АП СПб также соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что представленное адвокатом заключение специалиста-лингвиста не опровергает наличие дисциплинарного нарушения. Такое заключение может быть принято во внимание при оценке языковой формы спорных высказываний, однако не имеет предопределяющего значения для правовой и этической оценки поведения адвоката. Окончательный вывод о соблюдении адвокатом требований КПЭА и актов ФПА РФ относится к компетенции органов адвокатского самоуправления.

Довод адвоката о том, что она ссылалась на ранее опубликованную позицию другого адвоката, также не влияет на правильность выводов Квалифкомиссии. Квалифкомиссией установлено, что опубликованный комментарий другого адвоката не содержал квалификации действий К.В.В. как мошенничества группой лиц по предварительному сговору, а спорные формулировки были представлены редакцией как прямые цитаты адвоката М. и были согласованы ею до публикации.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признаёт презумпцию добросовестности адвоката М. в данной части дисциплинарных претензий опровергнутой, а наличие в её действиях нарушения взаимосвязанных требований п. 7 ст. 35 Закона об адвокатуре, п. 6 ст. 15 КПЭА и п. 6.1 Рекомендаций по взаимодействию со СМИ – установленным.

Совет АП СПб рассмотрел доводы адвоката М., изложенные в её письменных пояснениях, однако считает, что они не подрывают выводы Квалифкомиссии либо свидетельствуют о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Довод адвоката о гипотетическом характере отдельных высказываний Совет АП СПб частично принимает во внимание: именно по этой причине два высказывания адвоката исключены из объёма дисциплинарного обвинения. Вместе с тем данный довод не опровергает вывод о дисциплинарной значимости оставшегося высказывания, в котором адвокат публично говорила не только о возможной квалификации действий при доказанности определённых обстоятельств, но и о «умышленном завладении денежными средствами» и «осознанных, продуманных действиях» конкретного лица. Такая формулировка способна создать у неопределённого круга лиц представление о виновности процессуального оппонента доверительницы до принятия соответствующего решения компетентным органом.

Довод адвоката о том, что журналисты «вырвали» её высказывания из контекста и сократили их, также не может быть принят Советом АП СПб как основание для несогласия с заключением Квалифкомиссии. Квалифкомиссия установила, что по информации, представленной изданием, спорные формулировки являлись прямыми цитатами адвоката, озвученными в ходе интервью. Установление иного обстоятельства – в частности, что спорные фразы были искажены журналистами либо опубликованы вопреки согласованной адвокатом позиции, – означало бы пересмотр Советом фактических обстоятельств, установленных Квалифкомиссией, что недопустимо в силу п. 4 ст. 24 КПЭА.

Ссылка адвоката на отсутствие письменного согласия на публикацию статьи в итоговом виде также не меняет оценки её поведения. Адвокат, вступая в публичную коммуникацию со СМИ по вопросу, связанному с интересами доверителя и процессуального оппонента, должна учитывать риск последующего распространения своих высказываний и выбирать

формулировки, исключаящие восприятие её позиции как утверждения о виновности лица в совершении преступления. Отсутствие письменного согласования окончательной редакции материала само по себе не освобождает адвоката от обязанности соблюдать профессиональную сдержанность, точность и принцип презумпции невиновности при публичных комментариях.

Не опровергает выводов Квалифкомиссии и довод адвоката о поддержке её позиции доверительницей. Доверитель вправе поддерживать избранную адвокатом публичную линию защиты своих интересов, однако согласие или последующее одобрение доверителя не освобождает адвоката от самостоятельной обязанности соблюдать требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, КПЭА и корпоративных актов ФПА РФ при взаимодействии со СМИ, в том числе в отношении процессуальных оппонентов доверителя.

Ссылка адвоката на обращение за лингвистическим исследованием также не подрывает выводы Квалифкомиссии. Лингвистическое исследование может иметь значение для оценки языковой формы высказываний, их модальности и смыслового содержания, однако вопрос о том, нарушены ли адвокатом требования профессиональной этики, включая требования о соблюдении презумпции невиновности и корректности публичных комментариев, относится к правовой и корпоративно-этической оценке, осуществляемой органами адвокатского самоуправления.

Довод адвоката об отсутствии умысла на нарушение принципа презумпции невиновности также не является основанием для прекращения дисциплинарного производства. Дисциплинарная ответственность адвоката возможна не только при прямом умысле на нарушение профессиональных обязанностей, но и при грубой неосторожности. В рассматриваемой ситуации адвокат, публично комментируя конфликт доверительницы с процессуальным оппонентом и используя формулировку уголовно-правового характера, должна была проявить повышенную профессиональную осторожность, исключаящую создание впечатления о виновности лица до разрешения соответствующего вопроса в установленном законом порядке.

Вместе с тем Совет АП СПб учитывает, что в своих пояснениях адвокат М. фактически признала необходимость более аккуратного отношения к публичным высказываниям, чтобы исключить их двоякое толкование. Данное обстоятельство может быть принято во внимание при оценке характера допущенного нарушения и выборе меры дисциплинарной ответственности, однако само по себе не опровергает вывод Квалифкомиссии о наличии в действиях адвоката дисциплинарного нарушения.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершённое умышленно или по грубой неосторожности, влечёт применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях адвоката нарушения норм законодательства об*

адвокатской деятельности и адвокатуры и (или) КПЭА и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных ст. 18 КПЭА».

Избирая меру дисциплинарной ответственности адвокату М., Совет АП СПб учитывает характер допущенного нарушения, обстоятельства его совершения, публичный характер дисциплинарно значимого высказывания, а также то, что оно касалось конкретного лица и могло создать у неопределённого круга читателей представление о совершении им умышленных противоправных действий.

Совет АП СПб не усматривает оснований для признания допущенного адвокатом нарушения малозначительным, поскольку требования к публичному слову адвоката в средствах массовой информации направлены на защиту доверия к адвокату, обеспечение добросовестного профессионального поведения и недопущение использования публичных коммуникаций как способа давления на процессуальных оппонентов доверителя.

Вместе с тем Совет АП СПб принимает во внимание, что из объёма установленного нарушения исключены два вменявшихся адвокату высказывания, а дисциплинарно значимым признано одно публичное высказывание. Также Совет АП СПб учитывает, что нарушение не связано с установленным разглашением адвокатской тайны доверителя, доводы представления о нарушении законодательства о медиации не нашли подтверждения, а материалы дисциплинарного производства не содержат сведений о наступлении существенных неблагоприятных последствий.

Заявление, подписанное от имени К.В.В., о том, что он не имеет к адвокату М. претензий и стороны пришли к примирению, Совет АП СПб не учитывает как достоверное доказательство отсутствия вреда либо как основание для смягчения дисциплинарной ответственности, поскольку происхождение и актуальность данного заявления не могут быть надёжно верифицированы по материалам дисциплинарного производства.

При определении меры дисциплинарной ответственности Совет АП СПб также учитывает пояснения адвоката М., в которых она признала необходимость более аккуратного отношения к публичным высказываниям, чтобы исключить их двоякое толкование. Данное обстоятельство не опровергает наличие дисциплинарного нарушения, однако свидетельствует о наличии у адвоката критического отношения к допущенной неосторожности.

Наконец, Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката М. действующих дисциплинарных взысканий.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как достаточную и соразмерную характеру и тяжести установленного нарушения, а также в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности, справедливости и соразмерности дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в действиях адвоката М. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных требований:

- пункта 7 статьи 35 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;
- пункта 6 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката;
- пункта 6.1 Рекомендаций по взаимодействию со средствами массовой информации

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.